

- Господин Ван, - Цю Ланьхэ приблизился, - мой недостойный племянник не слишком хорошо воспитан. Если он допустил какие-то оплошности, прошу вас проявить снисхождение.

Ван Гэлао покачал головой:

- Молодое поколение внушает трепет. У господина Цю не было никаких оплошностей.

- Тогда хорошо. - Цю Ланьхэ с мягкой улыбкой повернулся к Цю Ибо: - Ибо, возвращайся домой. Дальнейшие вопросы я улажу сам.

- Слушаюсь, шестой дядя. - Цю Ибо слегка склонил голову, почтительно поклонился, затем попрощался с Ван Гэлао, соблюдая все правила этикета, и только после этого удалился.

Ван Гэлао смотрел ему вслед и покачал головой:

- Господин Цю, зачем было намеренно говорить это в моём присутствии?

Цю Ланьхэ дал понять, что метод оспопрививания полностью находится в его руках, и как его использовать - зависит только от его воли. Это было предупреждение.

- Вы слишком строги, господин Ван. - Цю Ланьхэ жестом пригласил его пройти дальше, и они вместе направились вглубь императорского дворца. Ван Гэлао снова покачал головой:

- Я признаю, что вмешался, но не ожидал, что Фэй Ли окажется настолько безумным. Когда я осознал это, было уже слишком поздно что-либо изменить.

Цю Ланьхэ сохранял прежнее спокойное и учтивое выражение лица, словно заранее предвидел такой поворот событий:

- Господин Ван, не стоит продолжать. Я понимаю ваши намерения.

Ван Гэлао сложил руки за спиной и усмехнулся:

- Раз уж ничего не изменить, тогда дальше всё зависит от вас. Надеюсь, вы не измените своим принципам.

Мотивы Ван Гэлао были просты. Как старший советник, он вскоре собирался уйти в отставку. Теоретически ему не было необходимости вмешиваться в противостояние Цю Ланьхэ с аристократическими кланами, но он был сторонником императора.

Деятельность Цю Ланьхэ несомненно служила на благо страны и народа. Нынешний император приближался к сорока годам, а Цю Ланьхэ уже перешагнул пятидесятилетний рубеж. Однако в семье Цю... их род славился долголетием, и прожить восемьдесят-девять лет для них не проблема. Император сейчас выглядел здоровым, но что будет через десять лет? А через двадцать?

Если говорить откровенно, нынешний император, хоть и мудр, но обладает типичными недостатками правителей. Хотя наследник престола уже назначен, и император не собирается его менять, он не спешит делиться властью. Наследник, в свою очередь, проявляет понимание и не создаёт при дворе собственных группировок.

Цю Ланьхэ уже достиг невероятного влияния, даже старший советник Чжао, также поддерживающий императора, не может сравниться с ним. Если позволить ему продолжать в том же духе, то к моменту восхождения наследника на престол аристократические кланы уже

не смогут ему противостоять, но появится Цю Ланьхэ, способный одним движением руки менять судьбы страны!

А судя по характеру Цю Ланьхэ, он человек амбициозный. Ради доверия императора он отказался от всей своей семьи. Когда наследник взойдет на престол, он вряд ли добровольно откажется от власти.

До сих пор против Цю Ланьхэ не действовали, потому что у него не было наследников. Если бы император задумался о будущем наследника, он бы наверняка сделал всё, чтобы Цю Ланьхэ последовал за ним в загробный мир. Сам Цю Ланьхэ тоже это понимал. Но теперь у него появился такой потомок, как Цю Ибо.

Если бы не история с оспопрививанием, Цю Ибо казался бы ничем не примечательным – всего лишь мелкий чиновник седьмого ранга. Но что будет в будущем?

Пока жив Цю Ланьхэ, у Цю Ибо будет бесконечное количество возможностей и достижений. И когда придет время, императору придется жаловать ему титулы, хочет он того или нет. Даже без помощи Цю Ланьхэ, через несколько лет, когда Цю Ибо наберется опыта, его шестикратный триумф на экзаменах позволит ему, просто сидя в экзаменационном зале, получить почтение всех ученых мужей страны. Даже если он не будет участвовать в экзаменах, разве не найдется тех, кто придет к нему за советом?

И даже если предположить, что Цю Ибо не добьется ничего при жизни Цю Ланьхэ, но унаследует его влияние, он станет еще более устрашающей фигурой, чем сам Цю Ланьхэ. Повторим еще раз: благодаря своему шестикратному триумфу, первому в истории династии, даже будучи выходцем из аристократического рода, он станет образцом для подражания для всех ученых страны. И тогда любое его действие будет находить поддержку, и даже если он поднимет восстание, ученые мужи последуют за ним. Новый император не сможет ему противостоять.

При явной поддержке ученых и тайной сети влияния, оставленной Цю Ланьхэ, как новый император посмеет сказать «нет»?

Конечно, Ван Гэлао признавал, что рассматривал Цю Ибо и Цю Ланьхэ в самом худшем свете. Но разве в политике можно рассчитывать на благоприятный исход? Даже простой владелец ткацкой мастерской беспокоится: что, если в следующем году шелко-продукция окажется плохого качества и цены на ткани поднимутся? Что, если караван с товарами ограбят по дороге? Разве можно надеяться, что разбойники внезапно одумаются и отпустят их с миром? Смешно.

Конечно, у него были и личные мотивы. У него тоже были потомки, семья. Его дети уже служат чиновниками, а в будущем его внуки и правнуки тоже пойдут по этому пути. Он надеялся, что будущий император окажется мудрым, а его семья станет верными советниками, преданно служащими стране, чтобы обеспечить мир и благополучие для своих потомков... Но если позволить Цю Ланьхэ и Цю Ибо продолжать в том же духе, в будущем неизбежно произойдет кровавая схватка, пусть и без видимых клинков.

Значение Цю Ибо уже давно вышло за рамки его личности. Поэтому Ван Гэлао хотел осадить его, дать понять Цю Ланьхэ, что не всё так просто. И как раз в этот момент аристократические кланы снова решили выступить против Цю Ланьхэ. Он решил остаться в стороне, наблюдая за борьбой, и в решающий момент слегка подтолкнуть кланы... Но он ошибся.

Он совершил огромную ошибку!

После сегодняшнего дня значение Цю Ибо как личности уже превзошло его роль наследника Цю Ланьхэ и шестикратного триумфатора экзаменов. Даже без Цю Ланьхэ, благодаря своему методу борьбы с оспой, он уже вознёсся на пьедестал, достигнув того, о чём мечтает любой чиновник – обессмертить своё имя в истории.

Цю Ибо действительно воплотил поговорку: «Молчал – молчал, а потом грянул так, что все ахнули».

Сначала все думали, что он просто бездельник, но он одержал шесть побед подряд на экзаменах. Потом решили, что он просто зубрила, раз в Управлении наказаний ничем не выделялся, но он создал нечто невероятное. Остаётся только воскликнуть: «Молодёжь идёт на смену старшему поколению!»

С тех пор, как Цю Ибо прибыл в столицу, главы министерств финансов, чиновников, ритуалов и военных лишились своих постов. Теперь, похоже, и глава Управления наказаний не избежит этой участи. В результате большая часть высоких должностей опустеет, и наступит эра Цю Ланьхэ и Цю Ибо.

Ван Гэлао снова покачал головой. Он действительно постарел, утратив былой пыл. Что ж, пусть молодые сами строят свою судьбу. Ему не стоит вмешиваться.

Через пятнадцать дней эффективность метода оспопрививания Цю Ибо была полностью подтверждена. Благодаря простоте и дешевизне метода даже деревенские лекари легко его освоили. По всей стране развернулась беспрецедентная кампания по вакцинации.

Через год в народе стихийно начали возводить храмы в честь Божества Великого года. Статуи изображали прекрасного юношу в зелёных одеждах, держащего в одной руке свиток, а в другой – кисть, с коровой у ног. Эти храмы пользовались невероятной популярностью.

Цю Ибо оставался на своей должности инспектора – точнее, его повысили с младшего седьмого до младшего четвёртого ранга, но место работы не изменилось: он по-прежнему служил в Управлении наказаний. Заодно он получил от императора Цзэ меч Шанфан – символ императорской власти. Цю Ибо нравилась спокойная атмосфера Управления, к тому же ему нужно было время для разработки новых проектов.

Изначально император хотел пожаловать ему ещё и железную грамоту, но Цю Ибо счёл, что таких вещей у него уже достаточно, и взамен метода оспопрививания и технологии производства дешёвого стекла попросил меч.

Теперь в родовом храме семьи Цю хранились все три символа власти.

Цю Ибо понял, что лучше всего ему даётся изобретательство. Он был исследователем по призванию. Вместо того чтобы участвовать в словесных баталиях, интригах и обмане, гораздо продуктивнее создавать полезные вещи, способные изменить ситуацию.

Если возникают проблемы – просто изобрети что-то полезное для народа, и все вопросы отпадут сами собой.

Нет проблем?

Отлично.

Мир и покой.

Цю Ибо только сожалел, что в прошлой жизни не прочитал больше книг о том, как преуспеть в другом мире. В его памяти хранилось слишком мало полезных знаний. Мыло и стекло приносили прибыль, но на государственном уровне не имели большого значения. Нужны были вещи уровня оспопрививания – или, например, высокоурожайные культуры вроде картофеля, кукурузы или батата.

К сожалению, первая экспедиция, отправленная в Северную Америку, Южную Африку и Западную Европу, не привезла нужных растений, зато доставила множество специй: розмарин, ваниль, тмин, чёрный и белый перец, перец чили... Не идеально, но тоже неплохо! Хотя он сам не любил острое, многие люди обожают пряную пищу. В его прошлой жизни те, кто не ел острое, считались чужаками, так что потенциал у этого дела был.

Научные исследования требуют огромных затрат, а Цю Ибо тратил ещё больше: на содержание учёных, эксперименты... Сколько бы денег ни было, их всегда не хватает.

Ещё он смутно помнил, что пенициллин получали из заплесневелых апельсинов или арбузов... Или, может, из какой-то овощной культуры, которую помещали в сосуд, давали заплесневеть, затем закапывали на несколько лет... Цю Ибо не мог вспомнить точно, но у него было много помощников, которые могли поэкспериментировать.

Ещё через год Цю Ибо назначили начальником округа Лунцюань на северной границе, и он отправился туда для вступления в должность.

Северная граница – не самое приятное место, но там была меновая торговля, что очень удобно для коммерции.

Цю Ибо взял с собой прежний набор: вернул Мянхэ Цю Ланхэ, а вместо него взял Вэнь Жуна и нескольких советников, желавших посмотреть на северные земли.

Официальный караван и Цю Ибо двигались разными путями: он развлекался в дороге, а караван следовал за ним. Когда Цю Ибо уставал, он догонял караван и ехал с ним некоторое время, а потом снова отправлялся в самостоятельное путешествие.

Цзянань, Яньчжоу.

Цю Ибо въехал в город верхом. Он уже значительно оторвался от своего каравана, но не спешил: раз уж сюда заехал, грешно не осмотреть местные красоты.

Как говорится, «в третьем месяце, среди цветов, спускаться в Яньчжоу». Он специально выехал на полгода раньше, чтобы успеть сюда заглянуть.

Весенний ветерок ласкал лицо, пух ив кружился в воздухе, а солнечный свет заливал всё вокруг ярким сиянием.

Цю Ибо купил на улице пару жареных пирожков и миску тофу, перекусил и продолжил прогулку по Яньчжоу.

– Добрые господа, сжальтесь! – Нищий в углу потрясал разбитой чашкой, выпрашивая милостыню у прохожих. Вдруг из толпы выскочил оборванный мальчишка-попрошайка, и нищий прижал его к себе:

– Сынок, достал?

- Достал, достал! - Мальчишка радостно размахивал кошельком, который явно был кем-то «позаимствован».

Нищий не мог сдержать радости и тут же перестал просить милостыню, уводя мальчишку прочь. Его место тут же занял проворный молодой нищий, а остальные стали насмехаться:

- Ты же хромой! Как это ты вдруг перестал хромать?!

- Пошли прочь! Не мешайте мне подаяние собирать! - Нищий рассмеялся, затем, увидев Цю Ибо, крикнул: - Господин, сжальтесь! Я три дня не ел! Спасти жизнь - всё равно что построить семи ярусную пагоду!

Цю Ибо взглянул на него, их глаза встретились на мгновение, затем он улыбнулся и бросил в чашку горсть монет.

- Благодарю, господин! - Нищий звонко пропел:

«Двенадцать изгибов перил,

Рука, как яшма, свесилась.

Подняв занавес, вижу высокое небо,

Море колыхается, зелёное и пустое...

Море и сны - безбрежны,

Тоскуешь ты - тоскую и я.

Южный ветер, знай моё желанье -

Унеси мои мечты на Западный остров...»

Закончив песню, он вызвал восторг у зрителей.

Нищий взглянул на Цю Ибо, улыбнулся, а затем его окружили другие нищие:

- Да ты, оказывается, и петь умеешь! Почему раньше не пел?

- Сегодня настроение есть! - рассмеялся нищий. - Пошли, угощаю вас вином!

Ватага нищих, обнявшись, удалилась, смеясь и толкаясь. Цю Ибо проводил их взглядом и продолжил свой путь, ведя лошадь под уздцы.

Строка из стихотворения Ли Бо «Провожая Мэн Хаожаня в Гуанлин».

«Песня о Западном острове», аноним, эпоха Южных и Северных династий.